

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1.09

«Я ХРАБРО СОЙДУ В ВЕЧНОСТЬ»¹

С.Ю. Павлова

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

В статье рассматривается тема смерти в итоговой книге Франсуа-Рене де Шатобриана «Замогильные записки» в свете особенностей мировоззрения писателя, его религиозных взглядов, специфики автобиографического повествования в литературе французского романтизма.

Ключевые слова: французская литература, романтизм, Шатобриан, мемуары, автобиография, тема смерти.

«Bravely Shall I Go Down to Eternity»

S.Yu. Pavlova

The article deals with the theme of death in «Les mémoires d'outre-tombe» by F-R. de Chateaubriand in the light of his concept of life, religious beliefs and tradition of autobiographical narrative in French Romantic prose.

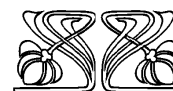
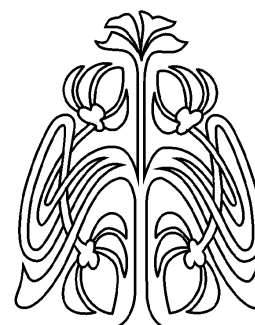
Key words: French literature, Romanticism, Chateaubriand, memoirs, autobiography, death theme.

В творчестве Франсуа-Рене де Шатобриана тема смерти является одной из центральных и присутствует во всех его произведениях, ставших для европейского романтизма каноническими. От ранних романтических повестей «Атала» (1801) и «Рене» (1802) до «Замогильных записок» (1848–1850) писатель не устает размышлять о смерти и создавать образы, навеянные этой темой.

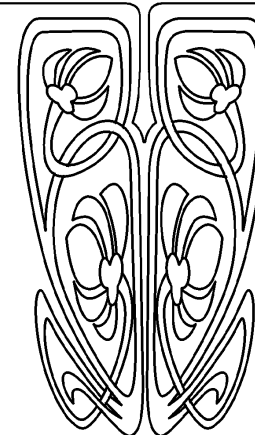
Как известно, для французских романтиков сюжеты и образы, связанные со смертью, были очень характерны. По словам М. Летонен, во Франции «начиная с эпохи Реставрации, “похоронный” жанр, понимаемый как часть фантастики и отличающийся пристрастием к скелетам, покойникам и мертвым головам, активно вошел в моду»². В творчестве Шатобриана на первый план выступает не внешняя атрибутика, а философские размышления о бренности жизни и неизбежности завершения земного пути человека. Проблема жизни и смерти полнее всего раскрывается в итоговой мемуарно-автобиографической книге Шатобриана «Замогильные записки».

Это произведение дает наглядное представление о том, сколь часто и близко приходилось его автору соприкоснуться со смертью. По подсчетам М. Летонен, в «Замогильных записках» смерть становится источником для создания 127 образов³. Уже в кратком, двухстраничном Предисловии слова, входящие в семантическое поле «смерть», встречаются около двадцати раз. Наиболее употребительные среди них – могила, прах, кончина, останки, кости, смерть, гроб, старость. Многократные упоминания о смерти во вступительной части «Замогильных записок» задают драматическую тональность всему повествованию.

Шатобриан акцентирует свою особую причастность к миру смерти. Главное проявление этой причастности – «Замогильные записки», ставшие, по словам писателя, «храмом смерти», книгой «записи умерших»⁴, которую он ведет по собственному почину. Шатобриан скорбит о потере близких (отца, матери, кормилицы, брата, сестер, дяди, племянника и других род-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ственников), оплакивает своих друзей (Фонтана, госпожу де Бомон и др.), рассказывает о кончине общественных деятелей и политиков (например, герцога Энгиенского и Наполеона), сообщает о гибели солдат и безымянных людей. Он ощущает себя как бы между жизнью и смертью, поскольку среди людей, память о которых хранит его сердце, гораздо больше умерших, чем живущих.

В Предисловии своеобразной метафорой судьбы Шатобриана является взятый из библейской Книги Иова эпиграф: «Sicut nubes... quasi naves... velut umbra. Job»⁵. Этот эпиграф имеет отголоски на всем протяжении «Замогильных записок»; чтобы подчеркнуть его важность, писатель повторяет библейские слова в начале первой главы. Шатобриан не случайно обращается к образу библейского мученика, которому Господь ниспослал многочисленные несчастья, а после того как Иов смиренно принял свою судьбу, вернул ему благоденствие. Подобно Иову, он видит себя страдающим праведником и в Предисловии говорит о «непостоянстве (своей) судьбы», о «жизненных бурях», о нужде, «которая вечно держала (его) за глотку», о «бремени (своих) горестей», о том, сколько ему «пришлось выстрадать в этом мире»⁶.

Эпиграф не только вводит тему мученической земной и благой загробной жизни, но и определяет символическую-лейтмотивную структуру книги, для которой образы облака (т.е. знака присутствия божественной силы), корабля (скитания человека по океану жизни) и тени (смерти) станут сквозными. Лейтмотивы смерти и моря, оба столь характерные для романтизма, сливаются воедино на заключительной странице Предисловия, когда Шатобриан упоминает о своем завещании похоронить его на острове Гран-Бе: «Итак, прах мой будет покоем на берегу моря, которое я так любил»⁷. Чуть ниже писатель вернется к своему завещанию и отметит еще одну значимую деталь: на бретонском языке слово «bé» означает «могила». Следовательно, название острова, на котором хотел найти (и нашел) свой последний приют автор «Замогильных записок», можно перевести как «большая/великая могила».

С первых страниц произведения темы жизни и смерти тесно переплетаются. Показательна вторая глава, представляющая собой традиционный для мемуарно-автобиографической книги зачин, связанный с рождением героя. Ее название – «Рождение моих братьев и сестер. Я появляюсь на свет» – говорит о принципиально новом подходе автора к изображению начального момента своей биографии. Для Шатобриана рождение – это не просто отправная точка на жизненном пути, функция которой обычно ограничивалась чистой номинацией (именно так обозначается рождение братьев и сестер), а некий процесс, содержащий важный для понимания его автобиографической концепции смысл. Он не называет, а *описывает* момент появления героя на свет, на что, по верному наблюдению Б. Шауа, указывает даже грамматическая форма настоящего времени глагола

«появляться»: «... активная форма выражения “я появляюсь на свет” на грамматическом уровне нейтрализует пассивность, присущую фразе “я родился”. Она как бы перекрывает пассивное прошлое активным настоящим»⁸.

Описание рождения героя предвдвывает перечисление его братьев и сестер, умерших во младенчестве. Этот довольно распространенный для начала XIX в. факт предстает как дурной знак и повод для печального вывода: «Я противился, жизнь не прельщала меня»⁹. В конце главы Шатобриан напрямую свяжет тему смерти со своей жизнью, когда напишет, что родился «почти мертвым». Такое мучительное насильственное рождение воспринимается писателем как предзнаменование трагичности его судьбы и даже становится навязчивой идеей. Напомним, что сходным образом появляется на свет и Рене, герой одноименной романтической повести Шатобриана. Биографический факт, таким образом, наполняется символическим смыслом, который усиливается в ходе дальнейшего повествования.

Рассказывая о дне своего рождения, Шатобриан берется описать то, чему на самом деле никак не мог быть свидетелем: собственное рождение и смерть скрыты от взора человека. «Свидетельствуя» о своем рождении, он пытается посредством творчества смоделировать то, что не могла зафиксировать его память. Шатобриан рисует картину спокойной осенней природы северной Франции. Рокот волн, шквальный ветер, буря становятся тем фоном, который точно соответствует представлению о полной страстей и неразрешимых противоречий жизни романтического героя. Бушующее море воплощает судьбу Рене, в которой опасность предостерегала его на каждом шагу и могла в любой момент оборвать его земное существование. Осень в эстетике Шатобриана также символизирует пору увядания, заката жизни. Так, пейзаж, воссозданный в романтическом ключе, способствует раскрытию темы смерти.

Автобиографический акт становится для писателя способом родиться заново, исправить некоторые неточности, связанные с известными, по чужим словам, деталями его появления на свет. Шатобриан уточняет дату своего рождения и имя. Он указывает, что родился не 4 октября, как считал долгое время, а 4 сентября 1768 года. Однако в контексте «Замогильных записок» 4 октября остается не менее значимой датой, чем реальный день рождения героя. Во-первых, эта дата связывается с духовным рождением Шатобриана: 4 октября – праздник святого Франциска, имя которого носит герой, а также день его приезда в Иерусалим, сердце Святой земли. Во-вторых, 4 октября Шатобриан помечает время начала работы над «Замогильными записками», т.е. момент своего литературного рождения. Кроме того, писатель называет себя Франсуа-Рене, а не Франсуа-Огюст, как полагал ранее. Комментаторы «Замогильных записок» единодушно отмечают, что это уточнение имеет важное значение: на французском

языке звуковая и графическая форма нового имени героя тождественна причастию «возродившийся» (René – rené).

Каким же предстает этот «возродившийся» Шатобриан в своей мемуарно-автобиографической книге? Не претендуя на раскрытие всех многочисленных сторон образа героя и повествователя «Замогильных записок», попытаемся ответить на этот вопрос в свете обозначенной выше темы смерти.

В представлении Шатобриана смерть всегда была неизменной спутницей его жизни. Вспоминая о детских годах, проведенных в Сен-Мало, он пишет: «С самого рождения я слышал разговоры о смерти. Вечерами по улицам ходил человек с колокольчиком, уведомляя христиан, чтобы они молились за одного из своих новопреставленных братьев. Почти каждый год на моих глазах гибли корабли, и, когда я играл на песчаных отмелях, море выбрасывало мне под ноги трупы чужестранцев, погибших вдали от родины»¹⁰. В приведенной цитате смерть предстает в своем материальном воплощении (трупы чужестранцев), христианском понимании (молитва за новопреставленных братьев) и непостижимой для человека сущности (разговоры о смерти). Первая, материальная сторона смерти изображается писателем с нарочитым романтическим преувеличением, в котором он явно отдает дань «похоронному» жанру своего времени. С христианством в сознании Шатобриана с детских лет связывается возможность сладостной загробной жизни, что подчеркивает не только идея молитвы за усопших, но и нижеприведенное упоминание о первой песне, заученной им наизусть. Это была своеобразная молитва, обращенная к Деве Марии, которую матросы пели во время кораблекрушения, страшась приближающейся кончины. Не менее важен и третий – философский – аспект представления писателя о смерти. Если в воспоминаниях о детстве он раскрывается через упоминание о разговорах, услышанных от других людей, то впоследствии предстанет в форме размышлений самого писателя о земной жизни и вечности.

С внешними, осязаемыми знаками смерти Шатобриан столкнулся довольно рано. По его словам, первым покойником, которого он увидел, «был каноник из Сен-Мало; он лежал в постели с лицом, искаженным предсмертной судорогой. Смерть прекрасна... но мы не узнаем ее, оттого что она является к нам в маске, которая наводит на нас ужас»¹¹. Как видим, мертвое человеческое тело отпугивает Шатобриана. В отличие от более ранних своих произведений, например повести «Атала», он отказывается от поэтизации лица умершего человека, во многом объяснявшейся, как верно утверждает М. Летонен, влиянием классицистической эстетики¹². В «Замогильных записках», напротив, черты покойника предстают пугающими и отталкивающими; их описание сопровождается перечислением реалистических деталей. Эта особенность сохраняется даже при описании дорогих сердцу Шатобриана людей. Так, повествуя о последних мгновениях жизни госпожи де Бомон, он пишет о судорогах,

сотрясавших ее тело, учащенном биении сердца, растрепавшихся волосах.

В том же реалистическом ключе Шатобриан рассказывает и о болезнях, которые несколько раз чуть было не свели его в могилу. Он показывает, что тяжелые заболевания, сопровождаемые агонией, горячкой, рвотой, бредом, подталкивают человека к смерти, и задается трагическим вопросом о том, что если они лишь «ветерок, исподволь приближающий нас к гавани»¹³, то разве может не страшить лик самой смерти?

Ее неприглядность со всей очевидностью отражает еще один чрезвычайно важный для Шатобриана образ – старость, которую он называет «самой близкой родственницей»¹⁴ смерти. В «Замогильных записках» писатель много раз сетует на свой возраст, с горечью констатируя, что его лучшие годы остались позади: «То, что чарует в пору любви, то в пору сиротства вызывает боль и сожаления. Вы уже не ждете наступления радостных весенних месяцев; пожалуй, вы их даже побаиваетесь... все, что пробуждает жажду счастья, потребность в нем, несет вам смерть»¹⁵. Старость для него – это не мудрость и зрелость, а невозможность испытать полноту жизни, мучительная утрата близких людей, создающая вокруг него пустыню, наконец, знак собственной неизбежной и близкой кончины.

Мировосприятие писателя, как известно, отличало пессимистическое отношение к окружающему, когда жизнь представляется как «нескончаемая чума», «постоянный стыд», «извечная ошибка». Трагический, переломный характер эпохи, в которую ему суждено было жить, усиливал убежденность Шатобриана в мимолетности счастья, бесконечности человеческих страданий, быстротечности времени, равнодушии природы к людским горестям, бренности всего земного. Категории времени и вечности постоянно возвращали его к мыслям о смерти, которыми буквально пронизаны «Замогильные записки». Шатобриан не устает повторять, что только в смерти «заключены события (его) реальной жизни», что «все прожитые (им) дни – это прощания»¹⁶. Он думает о смерти, теряя близких людей и оплакивая в каждом из них всех ранее почивших. Уход родных и друзей заставляет Шатобриана-повествователя обратиться к извечным вопросам человеческого бытия, задуматься о смысле собственной жизни. В качестве примера приведем размышления Шатобриана после кончины его отца: «Со смертью отца закончился первый акт моей жизни: отчий дом опустел, я оплакал его, как если бы он мог чувствовать утрату и одиночество. Отныне у меня не было наставника, и я страшился свободы, предоставленной мне волею судьбы. Что мне с ней делать? Кому я ее отдам? Я не доверял своим силам и отступал перед самим собой»¹⁷.

Взаимосвязь времени, вечности и смерти отчетливо прослеживается в целом ряде образов, созданных писателем на страницах «Замогильных записок». Таков образ колокола, удары которого

отмечают бег времени и, возвещая о кончине людей, напоминают тем самым о неизбежности конца для каждого живущего на земле. По-своему показательны образы моря, песочных часов, ворона и некоторые другие. Как правило, они появляются в тексте в тот момент, когда завершается определенный этап в биографии Шатобриана или же служат поводом связать воедино воспоминания о разных периодах его жизни.

Шатобриан многократно повторяет, что скоро уйдет в небытие, что давно ощущает себя мертвым. Возможно, поэтому он нередко участвует в похоронах и посещает кладбища. Отношение Шатобриана к собственной смерти проявляется двояко. Из заученной в детстве песни матросов он знает, что кончина может быть блаженной, а может принести страдание. С одной стороны, переход от жизни к смерти его страшит. Смерть для него – это нисхождение, передаваемое глаголом «спускаться» (*descendre*). Шаг в небытие, по мысли писателя, требует известного мужества и осуществляется легче в присутствии близкого человека. Всей своей жизнью Шатобриан не без успеха готовил себя к этому решительному шагу, что позволило ему, собрав все свое мужество, сказать: «Но если мне суждено остаться одному, если никто из близких не переживет меня и не сможет проводить в последний путь, что ж – я лучше, чем любой другой, сумею обойтись без проводника: я изучил подступы, я обследовал местность, где пролегает дорога, я пожелал увидеть то, что случается в последний миг»¹⁸.

С другой стороны, он разделяет христианскую идею загробной жизни, где каждому воздастся по заслугам, и праведный человек сможет вернуться в лоно вечности. Шатобриан уже в Предисловии выражает надежду на то, что смерть будет к нему добрее, чем жизнь, и не сомневается в своем праве занять место на Елисейских полях. Эта вера объясняет его убежденность в том, что «смерть прекрасна, она нам друг»¹⁹. Смерть как начало вечной жизни манит Шатобриана возможностью блаженного и бесконфликтного существования, но одновременно она означает разрыв с миром людей, а потому вызывает желание успеть сделать все, что ему предначертано. Хотя он не раз говорил о своем равнодушии к земной славе, но внутренне считал для себя необходимым достичь людского признания. Опуская многочисленные прямые и косвенные подтверждения его высокой самооценки, обратим внимание лишь на один эпизод, связанный с попыткой молодого Рене покончить жизнь самоубийством.

Шатобриан-писатель, с высоты своих лет взвешивающий на юношеский безрассудный поступок, оценивает его в категориях христианской религии и называет соответствующую главу книги весьма показательно – «Искушение». Как человек верующий он понимает, что самоубийство – грех, и потому подчеркивает, что должен «собраться с силами, чтобы признаться в своей слабости». И

далее: «Человек, покушающийся на собственную жизнь, выказывает не душевную мощь, но природный изъян»²⁰, – таков «приговор» Шатобриана-христианина самоубийце. Однако декларируемая христианская позиция вступает в противоречие с авторским объяснением причин, остановивших юного Рене, и проливает дополнительный свет на отношение писателя к смерти. Напомним, что на самоубийство он решился в период первых успехов в стихотворчестве, вдохновленный безудержной влюбленностью в воображаемую Сильфиду. Рене хотел убить себя от переизбытка чувств и осознания несовместимости возвышенных романтических порывов с реальной жизнью. Шатобриан констатирует, что не стал возобновлять попыток самоубийства в силу фаталистичности своих взглядов, но главное, совсем по другой причине: «Если бы я застрелился, все, чем я был, умерло бы со мною; никто не узнал бы причин, приведших меня к катастрофе; я пополнил бы толпу безмянных неудачников; никто не смог бы отыскать меня по следам моих горестей, как находят раненого по следам крови»²¹. Боязнь остаться безвестным и убежденность в собственной незаурядности – вот в чем Шатобриан видел смысл своей жизни и ради чего готов был сколь угодно долго терпеть тяготы земного существования.

Романтическое представление о высокой миссии творца оказывается для Шатобриана более весомым, чем христианская идея благой загробной жизни, ожидающей праведника. Хотя смерть мыслится создателем «Замогильных записок» как начало вечной жизни, при всех желанных благах, даруемых в загробном мире, его обитатели теряют одну наиважнейшую для Шатобриана-писателя возможность – творить и доносить свой голос до других. Вот почему смерть, по справедливому замечанию М. Летонен, ассоциируется у писателя с безмолвием, тишиной, ледяным молчанием²². Эта сторона смерти словно бы заставляет писателя выговориться до конца здесь, на земле, успеть закончить свою главную книгу, ставшую детищем всей его жизни. «Поскольку мне не дано знать час моей кончины, поскольку в мои лета каждый дарованный человеку день есть милость, или, вернее, кара, мне необходимо объясниться»²³, – так Шатобриан мотивирует необходимость создания «Замогильных записок». Он понимает, что «смерть нимало не проясняет тайны жизни»²⁴, а значит, тот, кто когда-нибудь захочет проникнуть в глубины его души, вряд ли преуспеет в этом больше, чем он сам. Шатобриану важно быть услышанным, оставить о себе верное представление в глазах потомков, а не обелить себя в преддверии высшего божественного суда.

Пытаясь найти силу, способную, если не противостоять забвению и смерти, то хотя бы вступить с ними в спор, Шатобриан приходит к выводу, что это доступно только творческому гению: «Никто не вспомнит о речах, которые мы вели за столом князя фон Меттерниха; но – вот

могущество гения! – ни один путник никогда не сможет слушать пение жаворонка в полях Вероны, не вспомнив Шекспира»²⁵. Свое собственное творчество он воспринимает в сходном ключе и в этом смысле особое значение придает мемуарно-автобиографической книге.

По признанию Шатобриана, именно работа над «Замогильными записками» вселяла в него желание жить, особенно в 1807 г., когда он в очередной раз находился между жизнью и смертью. Творческий импульс был способен облегчить тяжелое, почти предсмертное, состояние писателя как в зрелые годы, так и в юности. Вспоминая о своей службе в армии Принцев, закончившейся тяжелым ранением, Шатобриан так описывает свои полуобморочные видения: «Мои ослабевающие мысли приятно колыхались на волне; мои старые фантомы, едва похожие на тени, стершиеся на три четверти, окружили меня, чтобы попрощаться... Когда я присел напротив дорожного столба, то мне показалось, что в голубой дымке печных труб, в вершинах деревьев, в просветах туч, в ярких пучках солнца, протягивавшего свои лучи, как золотые грабли, на невозделанные поля, я увидел лица, улыбающиеся мне с порога далеких приютов. Это были Музы, которые пришли стать свидетельницами смерти поэта: моя могила, вырытая с помощью их лир под каким-нибудь дубом Арденских гор, вполне соответствовала бы солдату и путешественнику»²⁶. Из процитированного отрывка видно, что Шатобриан-писатель поэтизирует смерть и показывает, что богатое воображение помогло ему превозмочь страх, казалось бы, неминуемого прощания с жизнью. В полной уверенности относительно своего близкого конца Рене находился еще долгое время, в частности, в период своей эмиграции в Англию. На деле же мысль о близкой смерти открыла ему новые возможности для самореализации, способствовала становлению писателя и мыслителя, ведь именно в эмиграции вышла в свет первая книга Шатобриана «Опыт о революциях».

Если мысль о собственном конце стала стимулом для написания исторического сочинения, то известие о смерти матери возвратило Шатобриана в лоно религии и привело к созданию «Гения Христианства». Рассказывая о письме, в котором скорбную весть сообщала писателю сестра, уже умершая к тому моменту, когда адресат получил ее послание, Шатобриан замечает: «Эти два голоса, воззавшие из могил, эта смерть – посланница другой смерти, потрясли меня»²⁷. В этих словах уже слышится сокровенная авторская мысль о том, что текст, принадлежащий почившему человеку, обретает особое звучание. Он вернется к ней в рассуждениях о своей мемуарно-автобиографической книге: «Меня уговаривали опубликовать отрывки из моих «Записок» еще при жизни, – пишет Шатобриан, – но я предпочитаю говорить из гроба; тогда повествованию моему будут вторить голоса, в которых слышится нечто священное, ибо они звучат из могилы»²⁸. Желание придать своему

голосу надмирную интонацию и продлить свою творческую жизнь наталкивает писателя на идею о посмертной публикации.

Само название книги свидетельствует о том огромном значении, которое Шатобриан придавал идее «замогильности». Первоначально на титульном листе произведения стояло слово «Мемуары», но в 30-е гг. писатель придумал новое заглавие, изменив традиционное для литературы XVI–XVIII вв. нейтральное обозначение воспоминаний на «Замогильные записки». По замыслу автора, его произведение должно было выйти в свет через пятьдесят лет после его кончины, вот почему преждевременное обнародование отдельных фрагментов так больно ранило писателя. В Предисловии он специально затрагивает эту тему и делится с читателем своими огорчениями в связи с вынужденной частичной публикацией текста. Дело здесь не только в том, что писатель ожидал от потомков и читателей будущего особого отношения к книге уже почившего человека. Как справедливо пишет В.А. Мильчина, у шатобриановской идеи «замогильности» «были... и сугубо эстетические причины: отделяя себя от современников, Шатобриан хотел подчеркнуть, что книга его – взгляд на прошедшую жизнь с высоты грядущего; эта точка зрения давала автору право не просто излагать по порядку мелкие подробности земного бытия, но рисовать грандиозные картины и строить философские гипотезы о грядущем человечества»²⁹.

В размышлениях Шатобриана несколько раз проскальзывает мысль о том, что для него завершение работы над «Замогильными записками», его «alter ego» равнозначно смерти, что его земное существование завершится, как «последняя страница... Мемуаров»³⁰. Он завершает произведение прямым соотношением процесса написания книги с собственной жизнью и смертью: «Сегодня, 16 ноября 1841 года, я пишу эти последние слова...: сейчас шесть часов утра... кажется, будто старый мир кончается, а новый занимается. Я вижу отблески зари, но восхода солнца я уже не увижу. Мне остается только сесть на край своей могилы; потом, с распятием в руках, я храбро сойду в вечность»³¹.

Итак, использованные в «Замогильных записках» Шатобриана биографические факты, лексика, образы, авторские размышления отражают одержимость их создателя мыслями о неизбежности собственной кончины и небытия как философской категории, вызванными особенностями формирования его личности, религиозным воспитанием, трагичностью эпохи, влиянием романтической эстетики. Трактовка темы смерти в «Замогильных записках» Шатобриана оказывается взаимосвязана с темой творчества и отличается характерной для романтизма верой в человека-творца, в его способность посредством творчества преодолеть смерть.

Примечания

- 1 Шатобриан Ф.-Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 598.
- 2 Lehtonen M. L'expression imagée dans l'oeuvre de Chateaubriand. Helsinki, 1964. P. 319.
- 3 См. об этом подробнее: Lehtonen M. Op. cit. P. 319.
- 4 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 24, 163.
- 5 Там же. С. 18.
- 6 Там же. С. 18–20.
- 7 Там же. С. 20.
- 8 Chaouat B. Je meurs par morceaux: Chateaubriand. P., 1999. P. 28–29.
- 9 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 30.
- 10 Там же. С. 34–35.
- 11 Там же. С. 45.
- 12 См. об этом подробнее: Lehtonen M. Op. cit. P. 320.
- 13 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 45.
- 14 Chateaubriand F.-R. Mémoires d'outre-tombe: En 3 t. T. 3. P., 1973. P. 437.

- 15 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 140. С. 18.
- 16 Chateaubriand F.-R. Op. cit. T. I. P. 678, 133.
- 17 Ibid. T. I. 166.
- 18 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 163.
- 19 Там же. С. 45.
- 20 Там же. С. 59.
- 21 Там же. С. 60.
- 22 См. об этом подробнее: Lehtonen M. Op. cit. P. 463–464.
- 23 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 18.
- 24 Там же. С. 20.
- 25 Там же. С. 539.
- 26 Chateaubriand F.-R. Op. cit. T. I. P. 397.
- 27 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 165.
- 28 Там же. С. 19.
- 29 Мильчина В.А. Эпопея человеческого сознания // Шатобриан Ф.-Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 7.
- 30 Chateaubriand F.-R. Op. cit. T. 3. P. 92.
- 31 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 598.

УДК 821.161.1.09-94+929 Фет

ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КНИГИ А.А. ФЕТА «МОИ ВОСПОМИНАНИЯ»: ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК ПЛАНА МЕМУАРОВ

Л.И. Черемисинова

Педагогический институт
Саратовского государственного университета,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: cheremisinov@inbox.ru

В статье рассматривается эпизод из творческой истории мемуаров А.А. Фета, публикуется и комментируется черновой набросок первоначального плана фетовских воспоминаний. Исследование базируется на рукописных источниках, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: русская литература, творческая история, мемуары, биография, текстология, Фет.

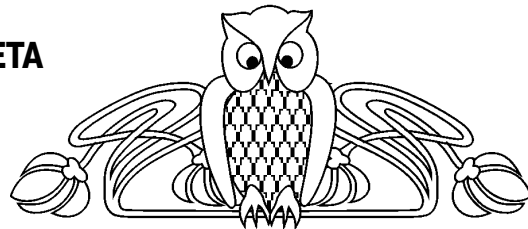
The History of A.A. Fet's «My Memoirs»: the Draft Plan

L.I. Cheremisinova

The article presents to scholarly attention a manuscript by A.A. Fet – the first draft of the poet's memoirs and offers a commentary to the publication of the text.

Key words: Russian literature, writing history, memoirs, biography, textual studies, Fet.

Воспоминания Фета представляют собой фактически не изученную часть его творческого наследия. На сегодняшний день не существует их научного издания, о необходимости которого писал еще в 1935 г. авторитетный текстолог и знаток творчества Фета Б.Я. Бухштаб. В своей обзорной статье «Судьба литературного наследства

А.А. Фета» исследователь отмечал, что мемуары и художественная проза поэта «давно стали библиографической редкостью» и нуждаются в переиздании¹. Такое переиздание будет осуществлено в составе двадцатитомного собрания сочинений и писем поэта, выходящего в настоящее время².

Современным исследователям надлежит тщательно изучить и прокомментировать текст мемуаров, восстановить их творческую историю, сопоставить главы журнальных публикаций с окончательным вариантом, сличить тексты введенных в мемуары писем с подлинниками, собрать и проанализировать отклики современников на воспоминания Фета – словом, решить многочисленные текстологические задачи, чтобы осуществить научное издание мемуаристики поэта.

«Мемуары эти <...> – на особом положении в истории русской литературы, – писал Б.Я. Бухштаб. – Это материал исключительной важности, один из мемуарных источников наиболее часто цитируемых, в особенности исследователями Льва Толстого и Тургенева; в то же время – источник, требующий максимально критического отношения к себе»³.

Фетовские воспоминания являются не только документальной базой для характеристики эпохи, но и бесценным источником (наряду с эпистолярным) для еще не написанной биографии их автора. Несмотря на неизбежный в этом жанре